

XIX
ВЕК

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЮВЕЛИРЫ

ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ
ПРЕКРАСНОЕ
НАЧАЛО

Лилия
Кузнецова

Лилия Константиновна Кузнецова Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное начало

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4945894

*Петербургские ювелиры XIX века. Дней Александровых прекрасное
начало: Издательство Центрполиграф; М.; 2012
ISBN 978-5-227-03886-9*

Аннотация

Вы держите в руках вторую книгу ведущего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Л.К. Кузнецовой из задуманного автором трехтомного издания, посвященного малоизученной до сегодняшнего дня области отечественной культуры – ювелирному искусству XVIII – начала XIX века. Первая книга серии – «Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый...» – уже нашла достойное место на книжных полках. Помимо повествования о мастерах-ювелирах периода правления Александра I и об их драгоценных изделиях читатель найдет в книге занимательные детали взаимоотношений России с европейскими государствами после сокрушительного разгрома наполеоновской Франции, истории награждения императора Александра I высшими иностранными

орденами и рассказ о них. Книга написана удивительным языком, передающим атмосферу «дней Александровых». Она откроет для читателя много новых фактов, но и принесет радость от самого процесса чтения.

Содержание

О ювелирных модах начала XIX века	6
Ювелиры, исполнявшие заказы августейшей четы	39
Кристоф-Фридрих фон Мерц	39
Иоганн-Готтлиб Калау («Кало»)	42
Йоган-Хенрик Гоппе	43
«Купец» Луи Нитард и золотых дел мастер	44
Иоганн-Николаус Брандт	
Франсуа Мартен, Даниэль Ола и братья Пицкер	45
Франц Франк поставляет ордена в Гардероб Его Императорского Величества	47
Ордена в мундирных колодочках Александра I	48
Скромный «Егорий» IV степени (Крест русского ордена Св. Георгия IV степени)	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Лилия Константиновна
Кузнецова
Петербургские
ювелиры XIX века.
Дней Александровых
прекрасное начало**

*Памяти моих родителей – Константина
Андреевича и Анастасии Фёдоровны Кузнецовых*

**О ювелирных модах
начала XIX века**

Со смертью «Семирамиды Севера» закончилось в России «царство юбок», а с трагической гибелью императора Павла I окончательно ушел в прошлое и безвозвратно минул «галантный», столь пышный и величественный «осьмнадцатый» век, век «нравных» временщиков и капризных фаворитов. Началось новое, «меркантильное» девятнадцатое столетие. Как ни старался августейший преемник Екатерины II поставить заслон «французской заразе», однако влияние идей и мод, привнесенных в обиход Европы событиями Великой Французской революции, стало всеобщим.

Хотя пути крепостничества удалось с большими препятствиями отменить в 1861 году лишь правнуку Екатерины II, неограниченное самодержавие сохранялось в России вплоть до 1905 года. И все-таки идеи вольности и свободы будоражили не только дворян, а постепенно овладевали умами крайне немногочисленного вначале, но неотвратимо растущего круга представителей «третьего сословия». По-прежнему всех поражали роскошью дворцовые приемы с их весьма обременительным этикетом, однако в своей частной жизни русские властители теперь предпочитали подражать господствовавшим в Европе «скромным» буржуазным нравам. Ушли в прошлое многие церемонии, а оставшиеся утратили свои былые масштабы, померк ослепительный блеск орденских праздников.

Поиски удешевления продукции и большей прибыли при реализации произведенных изделий приводят к изобре-

нию сначала механических приспособлений, а затем и машин, позволяющих ускорить самые сложные и трудоемкие операции, к разработке новых технологий. В поисках имитаций драгоценных металлов и самоцветов обращаются к материалам, дотоле либо мало используемым, либо вовсе неизвестным ранее.

Еще во второй половине XVIII века англичане додумались форму алмаза, ограненного «розой», придавать обыкновенной стали, причем так отполировывали фасетки пирамиды, что те почти не уступали сверканию природных диамантов. Петербургский мастер Георг Кёниг по настоянию светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического научил этой технике тульских умельцев. Подобные «алмазы» настолько вошли тогда в моду у светских щеголей, что сталь шутили называли наконец-то отысканным философским камнем, поскольку «выдумщики сего железного золота могут переманить в свой карман подлинное и настоящее золото»¹. А в первой трети нового столетия как раз в сталь предпочитали оправлять карнеолы-сердолики и агаты, не только разнообразные по цвету, но к тому же зачастую отличающиеся редкостным рисунком, да притом, что было весьма немаловажно, сравнительно недорогие.

Вскоре настала очередь чугуна. Красавицам настолько

¹ *Страхов Н.Н.* Переписка Моды... М., 1791. № 8. С. 37–38. Цит. по: *Забозлаева Т.Е.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: Словарь. История. Терминология. Предметный мир. СПб., 2003. С. 373. (Далее – Забозлаева).

полюбились привозимые из Пруссии изящные украшения, отлитые из простого железа, что именно из него умельцы Санкт-Петербургского литейного завода исполнили к столичной мануфактурной выставке 1829 года дивные ажурные браслеты. Однако отнюдь не все франтихи знали, что в самой Германии подобные хрупкие угольно-черные кресты, ожерелья, броши и подвески напоминали как о трауре по обожаемой королеве Луизе, так и об обмене населением в порыве патриотизма золотых вещей на кольца из чугуна ради спасения и возрождения отчизны. Потому-то и орден, учрежденный в 1813 году прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, получил название Железного креста.

На смену популярным в «осьмнадцатом» веке более или менее удачным заменам бриллиантов бесцветными стразами, а драгоценных самоцветов – «композициями» из цветного стекла (ведь повышенное содержание свинца придавало недорогому материалу особый блеск), теперь приходит просто ограненное под драгоценный камень обычное стекло, но зато снизу для нужного оттенка и подсветки покрытое тонким слоем фольги или амальгамы².

² *Фёлькерзам А.* Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. 1908. Июль – сентябрь. С. 539; Берлинское художественное литье из чугуна первой половины XIX века из Музея прикладного искусства в Берлине: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Л., 1976; *Уткин П.И.* Русские ювелирные украшения из цветного и черного металла второй половины XVIII – начала XIX века // Труды НИИХП. 1967. № 4; *Тараканова Е.С., Полярная Ж. А.* Необычные художественные изделия из чугуна в коллекции Горного музея // Курьез в искусстве и искусство курьеза: Материалы XIV Царскосельской научной конфе-

Появляется плакированное накладное серебро, лишь тонким слоем покрывающее поверхность предмета, якобы сделанного целиком из этого благородного металла, а «бронзовые» люстры на самом деле оказываются исполненными из папье-маше. Растет число фабрик и крупных предприятий, с которыми трудно становилось конкурировать вольным цеховым мастерам. Все большую роль играют магазины, где продаются вещи не просто готовые, а зачастую растиражированные и от того дешевые, из-за чего подобные «предметы роскоши» теперь по карману и не очень-то состоятельным, зато гораздо более многочисленным клиентам. Большинству таких покупателей неважно, что приобретенные изделия зачастую совершенно утратили свою индивидуальность и неповторимость, зато выглядели «богато». Стремительно возрастали барыши в карманах владельцев модных лавок. Все чаще могли себе позволить собственные магазинчики модные ювелиры, владельцы фирм, крупные заводчики и оборотистые купцы.

Современники недовольно брюзжали в середине XIX века, что уже при Александре I «министры государевы (Кочубеи и Гурьевы) какими-то финансовыми оборотами, более чем щедротами монарха, стяжали себе великое состояние и сделались первыми вельможами, тон общества стал приметно грубеть; понятия о чести начали изменяться и уступать

место всемогуществу золота»³. Мерилом же преуспевания и общественного престижа к концу «меркантильного» столетия окончательно становятся не титулы и чины, а находящееся во власти собственника количество «презренного металла». Правда, золотых дел мастера и ювелиры продолжали ради престижа, многочисленной клиентуры и хорошо оплачиваемых заказов стремиться к званию поставщиков Двора, причем не обязательно императорского, а хотя бы какого-нибудь великокняжеского.

В первые два десятилетия начала Александровского правления продолжали обращаться к «греческому вкусу», однако теперь уже предпочитали каноны красоты, присущие времени Императорского Рима, но откорректированные парижскими законодателями моды. Очевидец тех лет, Филипп Филиппович Вигель, писал: «Как бы то ни было, но костюмы, коих память одно ваяние сохранило на берегах Егейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве». Ему вспоминались молодые дамы и девицы: «Не страшась ужасов зимы, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно обхватывали гибкий стан и верно обрисовывали прелестные формы; поистине казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете». Пожилые же и дородные женщины, утратившие изящество телосложения отнюдь не растерялись и «из русских Матрен перешли в римские матроны»⁴.

³ Вигель, Филипп Филиппович. Записки. М., 2000. С. 113. (Далее – Вигель).

⁴ Вигель. С. 123–124.

На какое-то время дамы совсем было отказались от корсетов, но дабы уподобить фигуру стройной колонне, дебелим красавицам пришлось затягивать свои пышные прелести в скроенный по новому фасону корсет «а ля Нинон». Хотя на голое тело под просвечивающую одежду русские щеголихи, в отличие от смелых парижанок, и надевали трико белого или телесного цвета, а сверху драпировались в хоть немного спасавшую от холода модную шаль, многие легкомысленные прелестницы серьезно простужались. Не случайно в свете вызвала много толков и пересудов безвременная смерть от такой казалось бы смехотворной болезни молоденькой, едва достигшей семнадцатилетия, очаровательной княгини Екатерины Осиповны Тюфякиной, несколько лет назад столь пленившей красотой лица, странно сочетавшейся с лежащей на нем тенью глубокой меланхолии, знаменитую заезжую художницу Элизабет Виже-Лебрён, что та изобразила чаровницу вестницей олимпийских богов Иридой, «окутанной волнистою пеленою и сидящей на облаке»⁵.

Не менее опасными для здоровья очаровательниц становились и стягивающие их стан столь модные, блистающие роскошью пояса. Великая княгиня Александра Феодоровна, бывшая на девятом месяце беременности, так разволновалась за успех первого появления перед взорами придирчи-

⁵ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801. С приложением писем ее к княгине Куракиной. СПб., 2004. С. 106–108; *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. В 4-х тт. Т. III и IV. М., СПб., 2001. С. 257.

вого светского общества приехавшей в Петербург в 1823 году Вюртембергской принцессы, невесты великого князя Михаила Павловича, что «стала нервно плакать. Золотой пояс, усеянный камнями, бывший в тот день на ней, не успели достаточно быстро распустить, и он причинил ей сильное ущемление. В ту же ночь она разрешилась мертвым сыном и тяжело захворала»⁶.

Уже при Павле I появляются новые типы ювелирных украшений сильно изменившегося женского костюма. Становится неременной составной частью уборов алмазный «султан», или «эгрет», сделанный в виде «пера». Теперь не отдельные цитернадели, а как бы образованные из цепочки наверхий таких булавок ленты поддерживают мелкие завитки прически или скрывают края парика. Если все звенья были одинаковы, то сие украшение так и называли «лентой-рюбан» (фр. *le ruban*) или «головной повязкой». Зубчатая же полоска именовалась «барьером» (фр. *la barrière*).

Тогда же стали модны цветки-«флёры» (фр. *la fleur*) в виде «астры», или «двойной звезды». Сначала по «цветку» вкалывалось в волосы у висков, затем возле пробора стал располагаться третий, более крупный «цветок», а позже между сиими «флёрами» все чаще размещались шесть булавок, увенчанных каждая изобиловавшим зернами «коло-

⁶ Великая княжна Ольга Николаевна. Сон юности: Воспоминания. 1823–1846 // Николай I. Муж, отец, император: Русские мемуары. М., 2000. С. 176–177 (далее – Сон юности).

сом», или «эпи де бле» (фр. *l'épi de Blès*). Прикрепление подобных наверший к металлическому обручу привело к появлению «диадемы» (фр. *le diadume*), своим абрисом напоминающей распластаный треугольник и ставшей характернейшим дополнением парадного костюма в начале XIX века и непременной частью классической парюры, куда еще входили лишь длинные серьги и склаваж. Кстати, впервые «диадема» появилась, судя по архивным документам, в сапфировом уборе, сделанном Яковом Дювалем для великой княжны Александры Павловны. Правда, жители Альбиона и в наши дни предпочитают считать «диадемой» лишь украшение, венцом обвивающее голову. Диадему же, располагающуюся только на челе, англичане обычно называют «тиарой»⁷ – термином, под которым в России привычно понимается убор

⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3915. Л. 213–215: Описание приданого Александры Павловны (сапфировая диадема в составе сапфирового убора – л. 215); Кузнецова Л.К. К вопросу об атрибуции группы ювелирных изделий конца XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа // Проблемы развития русского искусства: Тематический сборник научных трудов Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Вып. XI. Л., 1979. С. 22–35; Кузнецова Л.К. Тресила-цирнадели, дофины-перешники и цветки // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников семнадцатого colloquium (14–18 апреля 2009 г.) семинара Государственного Эрмитажа. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 69–74; Краевский А. Диадемы российских императриц, европейская мода XVIII – начала XX в. и национальные традиции // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников восемнадцатого colloquium семинара Государственного Эрмитажа (19–23 апреля 2010 г.). СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. С. 38.

римских пап, как бы состоящий из трех, одной над другой, корон.

В первой четверти XIX века сделалось чрезвычайно модным делать прически «а ля Серёс», когда прелестницы, уподобляя себя римской богине плодородия и земледелия Церере, украшали свои хорошенькие головки венками из отдельных, усыпанных бриллиантами колосков. Пика своего эта мода достигла к 1803 году, и русским дипломатам тогда всерьез пришлось ломать голову, что же лучше преподнести в дар сестре турецкого капитан-паши: «колосья» или привычный «цветок»⁸.

Франтихи, настроенные более воинственно, водружали в прическу «стрелу» Дианы. Наконец, около 1800 года появились массивные гребни, увенчивавшие красиво уложенную на темени косу.

На обнаженные шеи еще в середине 1790-х годов «как будто бы для сбережения своих сердец, щеголихи большого света надели цепи»⁹. Сии цепочки из металлических шнуров были столь длинны, что прелестницы не только развешивали их по плечам, но и свивали чуть ли не в двадцать оборотов вокруг своих шеек. Не случайно «ниткой» (фр. *un fil*) назвали и разновидность склаважа, поскольку она представляла собой дополненную с обеих сторон низками из мел-

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4041. Л. 57, 57 об.; Ф. 789. Оп. 1. Д. 198. Л. 32 об.

⁹ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 161; Цит. по: *Забозлаева...* С. 408.

ких камней цепочку солитеров, оправленных в отдельные касты-«шатоны», благодаря чему длина изделия легко варьировалась. Какое-то время подобную «нитку» именовали одновременно то «склаважем», то «колье». Однако в начале XIX века возобладало полное поэзии название: «ривьера», ибо вереница сверкающих крупных бриллиантов, близко прилегающих друг к другу (отчего металл их оправ становится почти невидимым), действительно напоминала искрящийся водный поток, струящийся между берегами¹⁰.

К концам простой низки из камней в шатонах стало модно подцеплять отдельную, легко снимающуюся застежку, называемую по-французски «фермуаром» (*le fermoir*). Августейшие особы отныне часто жаловали дамам и девицам драгоценные фермуары, и награжденные гордо демонстрировали царский подарок, располагая отныне застежку ожерелья на самом видном месте – высоко на груди у плеча.

Большое декольте и открытая шея заставляют носить и склаважи, теперь представляющие собой ожерелья с ниспускающейся на грудь сеткой прихотливо переплетающихся цепочек, дополненных вкраплениями камней в шато-

¹⁰ Фёлькерзам А. Ювелирные украшения времен Александра I // Старые годы. 1908. Июль – сентябрь. С. 541; Кузнецова Л.К. О «колье Екатерины II» // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников XV коллоквиума (10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 43–45; Кузнецова Л.К. Бантик и нитка, или «колье Екатерины II» // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства: Материалы XII научной конференции 22–24 ноября 2006 года. М.: Издание Объединения Магнум Аре, 2009. С. 226–235.

нах. Одно время «склаважем» называли «цепочки, связанные вензелевым шифром из крупных бриллиантов»¹¹. Становится популярным появившийся около 1804 года склаваж-«франж» («*la frange*») и поскольку на грудь щеголихи обильно свисал ряд столь близко прилегающих друг к другу подвесок, что они действительно напоминали густую бахрому.

Большие и открытые медальоны возлежат на толстой золотой цепи, напоказ демонстрируя окружающим портрет наиболее любимого родственника владелицы¹². Но все чаще с облегающей шею изящной цепочки как бы стекала на перси красавицы кокетливо колыхавшаяся подвеска с драгоценным самоцветом, давшая обозначение новому украшению, вначале называемому «куланой», то есть «струящейся», а позднее (поскольку слово *le coulant* во французском языке мужского рода) переименованному в «кулон». Не равнодушный к женским прелестям, истинный сын галантного «осмнадцатого» века Гаврила Романович Державин не удержался и воспел модную новинку в стихотворении 1807 года «Цепочка»:

Послал середь сего листочка

¹¹ Записки Александры Осиповны Смирновой (Россет) // Русский Архив. 1895. Кн. 2. С. 25.

¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3921. Л. 441; Ф. 759. Оп. 1. Д. 309. Л. 47; Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марьи Сергеевны Николаевой // Русский Архив. 1893. Кн. 3. С. 159.

Из мелких колец тонку нить:
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою прикрыть¹³.

Нежные «Психеи» и «Хлои», в знак царящего в их сердцах «приятного легкомыслия», дополняли пояса своих туникообразных воздушных кисейных платиц изящно исполненными из золота бабочками или тюльпанами. Дамы щеголяли друг перед другом очень длинными, надетыми крестнакрест цепочками-«перевязями», или по-французски «со-туарами» (*le sautoir*). На них болтались часы, кошельки, зеркала и прочие столь необходимые мелочи.

Отнюдь не лишней оказывалась и маленькая книжечка-«карне» в оправе слоновой кости, куда прелестница записывала для памяти: кому и какой танец она обещала на грядущем балу, чтобы не дай Бог не перепутать кавалеров. Строгий свет расценил бы подобную невнимательность за «отпечаток кокетства», и провинившейся приходилось (дабы пропустить злополучный танец) притворяться, что на нее вдруг нахлынула неодолимая усталость¹⁴. Да и в середи-

¹³ Цит. по: Забозлаева... С. 408.

¹⁴ Фёлькерзам А.В. Ювелирные изделия времен Александра I // Старые годы. 1908. Июль – сентябрь. С. 529–546; Кабинет Аспазии. Альманах на 1815 г. // Памяти прошлого: Статьи и заметки. СПб., 1914. С. 148–149; Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 23. (Далее – Бидерманн); Nouveau Larousse illustré: Dictionnaire universel encyclopédique publié sous la direction de Claude Augé. Т. 1–9. Paris. Т. 7. Р. 561; Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М., 1999. С. 323.

не меркантильного века, когда на левом плече модной красавицы обязательно прищипливались цветы, в книжке о правилах хорошего тона высказывалось пожелание, «чтобы таблетки, привешиваемые на маленькой цепочке к букетьерке и служащие для записывания кадрилей, на которые дама ангажирована, вошли во всеобщее употребление»¹⁵.

Подвешивая же часы к «штучке, величиною с ладонь, представляющей лиру»¹⁶, очаровательницы заодно намекали на свою верность в любви, сравнивая себя с Сафо. Ведь знаменитая античная поэтесса, напрасно бряцавшая на струнах лиры и певшая строфы, полные страсти, перед бездушным красавцем Фаоном, не смогла перенести измены любимого и покончила с собой, бросившись с высокой скалы в бурное море.

Поскольку рукава платьев сделались совсем короткими, большую роль стали теперь играть браслеты. Чрезвычайно модны стали украшенные портретом близкого человека: их носили на левой руке как признак чувствительного сердца, отчего подобные браслеты называли по-французски «санти-

¹⁵ Соколов Д.Н. Светский человек, или Руководство к познанию правил общесия. СПб., 1847. С. 132–143. Цит. по: *Лаврентьева*, Светский этикет пушкинской поры. С. 332, а также С. 266–267.

¹⁶ Письмо Якова Ивановича Булгакова к сыну из Москвы, от 3 июля 1805 года // Из писем Я.И. Булгакова к старшему его сыну Александру Яковлевичу из Москвы в Неаполь // Русский Архив. 1898. Кн. 2. С. 52; Письма Марты Вильмот. 1803–1805 гг. // Записки кн. Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. 2-е изд. М., 1991. С. 278. (Далее – Письма сестер Вильмот).

ман».

Львицы же света ввели обычай носить сразу три браслета: один – массивный, исполнявшийся из золота и крупных драгоценных камней, второй – ажурный и сравнительно скромный, должен был поражать мастерством исполнения, а третий, дополняемый драгоценной застежкой, сплетали из прядей волос возлюбленного. Подобный набор назывался «союз роскоши, изящества и чувствительности».

Вышивая своим любезным на память изысканные кошелечки или кисеты, особенно нежные натуры использовали вместо нитей собственные локоны. Что уж говорить, если отважный полководец Наполеон Бонапарт успел в перерывах между сражениями написать обожаемой Жозефине, дабы любимая женушка прислала ему вместо нечаянно потерянной табакерки «другую, с плоской крышкой, на которой закази сделать надпись из своих волос»¹⁷.

Однако весьма неопрятная привычка нюхать табак постепенно уходила в прошлое. Сами же табакерки, хотя их и продолжали жаловать от Двора, все больше снабжались «механикою и всяким тому подобным, смешным или полезным»¹⁸.

Модницам уже было недостаточно, что все пальцы рук поверх перчаток унизывались перстнями с бриллиантами.

¹⁷ Бретон Ги. Истории любви в истории Франции. Кн. 4. Т. 7. Наполеон и женщины. М., 1994. С. 43.

¹⁸ Из писем Я.И. Булгакова к младшему его сыну Константину Яковлевичу. Письмо из Москвы от 5 июня 1805 года // Русский Архив. 1898. Т. 1. С. 208.

Некоторые франтихи, являясь в открытых сандалиях, кокетливо демонстрировали зовущие к поцелуям пальчики своих очаровательных ножек, сверкающие роскошными кольцами.

Увлечение античностью еще в конце XVIII века сделало популярными геммы, которые уже в конце царствования Екатерины II даже подбирались в парюры. Да и императрица Елизавета Алексеевна все чаще предпочитала помимо обычных перстней с различными самоцветами жаловать от себя приближенным бриллиантовые «медальоны с антиком»¹⁹.

С другой стороны, вынужденную моду на дешевые украшения принесли в Россию европейские аристократы, разоренные революцией и войнами. Брюзгливый Филипп Филиппович Вигель недовольно ворчал, что в обнищавшей Франции «женщины, вместо алмазов, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, их мужьями и родственниками награбленными в Италии. Нам и тут надобно было подражать. Бриллианты, коими наши дамы были так богаты, все попрятаны и предоставлены для ношения царской фамилии и купчихам. За невероятную цену стали доставать резные камни, оправлять золотом и вставлять в браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнее»²⁰. Пользовались повышенным спросом пурпурные богемские гранаты-пиропы, зе-

¹⁹ Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марьи Сергеевны Николевой, с. 159; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3919. Л. 523, 523 об.; Д. 4041. Л. 381, 381 об. и пр.

²⁰ Вигель... С. 124.

леновато-голубая бирюза, радужные опалы, яркие кораллы и редкостного природного узора агаты. Но это поветрие продолжалось недолго, и вскоре «страсть к драгоценным камням царствовала в столице едва ли не сильнее еще, чем в последующие десятилетия»²¹.

Зато «дражайшие половины» русских купцов поражали иностранцев своими нарядами. Англичанка Марта Вильмот, компаньонка княгини Екатерины Романовны Дашковой, удивлялась, как можно облачиться в июльскую жару «в затканную золотом кофту с корсажем, расшитым жемчугом», причем «головной убор из муслина украшен жемчугом, бриллиантами и жемчужной сеткой, и все сооружение достигает пол-ярда высоты; 20 ниток жемчуга обвивали шею, а на толстых руках» купчихи, вышедшей на гулянье в Петергофском парке, «красовались браслеты из двенадцати рядов жемчуга»²². В свете шушукались, что у жены Злобина, богатейшего откупщика карточного дела и именитого гражданина Санкт-Петербурга, бриллиантовых вещей так много, как ни у одной из аристократок, что вся одежда ее из золотой парчи и усыпана жемчугом, крупными бриллиантами и драгоценными камнями, а кокошник ее так велик, что его хозяйке всегда приходилось протискиваться в дверь боком.

Однако при дворе сохранилась баснословная роскошь, хо-

²¹ Полилов-Северцев Г.Т. Наши деды-купцы. СПб., 1907. С. 186. Цит. по: Забозлаева Т.Е. С. 329.

²² Письма сестер Вильмот... С. 257.

тя те же «люди, едва не падающие под тяжестью жемчугов и бриллиантов», восхищались простыми нарядами, привезенными из-за границы²³. На придворные балы приходилось являться «в платьях из серебряных кружев, с алмазными лентами в волосах, с длинными бриллиантовыми серьгами и в прочих драгоценностях»²⁴.

Та же Марта Вильмот даже описала в дневнике столь поразивший ее наряд одной русской дамы, простодушно предварив, что не забудет увиденное «до самой смерти»: «Белое атласное платье украшали искусственные цветы, на голове были две ленты, украшенные бриллиантами, два бриллиантовых гребня и еще что-то вроде бриллиантового венца. В ушах великолепные серьги, на шее – бриллиантовые цепочки и жемчужные нити, на груди – бриллиантовые, изумрудные и рубиновые броши, причем одна брошь с солитером стоила не менее 2 тысяч фунтов. Пояс ее также был осыпан бриллиантами и застегнут пряжкой с камнем величиной с куриное яйцо: <...> он был ярко-малиновым, а в оправе из бриллиантов выглядел поистине как драгоценность из сокровищницы турецкого султана. Словом, это была настоящая ювелирная лавка»²⁵.

Видя такое обилие драгоценных камней, но при этом отмечая, что «очень часто они не выглядят как украшения, по-

²³ Там же. С. 285; *Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 1897. С. 34, 35.

²⁴ Письма сестер Вильмот... С. 257.

²⁵ Там же. С. 464.

добрые со вкусом», юная иноземка вначале наивно считала, что «драгоценности тут дешевы», но вскоре «воздушный замок» ее мечты о приобретении подобных вещей «растаял бесследно, ибо бриллианты здесь в той же цене, что и в Англии», и ей оставалось лишь горестно, с недоумением вздыхать, что «тем труднее понять, отчего их так много...»²⁶. Британский же генерал и посол в Швеции при Бернадоте, лорд Бенджамин Блумфилд, посетив Петербург в июле 1825 года, отметил, что вдовствующая императрица Мария Федоровна носила множество бриллиантов и жемчугов, а на ее груди покоилась жемчужина «величиной в маленькое яйцо»²⁷.

В России всегда любили одеваться по возможности роскошно, дополняя наряд драгоценными камнями, что особенно бросалось в глаза иноземцам. Французская писательница Жермена де Сталь удивлялась: «В России нет того, что англичане называют комфортом, а мы – довольством. Они любят богатство скорее как пышность, чем как средство удовольствия. Тяга к внешнему великолепию у русских преобладает»²⁸. Сие стремление, присущее в России людям «вся-

²⁶ Там же. С. 258.

²⁷ Молчанов А.П. Из английской исторической литературы в России. III. Лорд Блумфилд в гостях у Александра I // Исторический вестник. 1887. Июнь. С. 183–184.

²⁸ Трачевский А.С. Сталь в России // Исторический вестник. 1894. Апрель. С. 182; 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 27.

кого звания и происхождения», отмечали не только иноземцы²⁹.

Москвича Степана Петровича Жихарева, по переезде его в 1806 году из Первопрестольной в Петербург, дабы служить в Иностранной коллегии, многое поражало в столичных жителях. Совсем молоденькая, но уже знаменитая актриса Екатерина Семёнова, «совершенный образец древней греческой красоты», щеголяла в белой турецкой шали, на шее красовались жемчуга, а на пальцах было «брильянтовых колец и перстней больше, чем на иной нашей московской купчихе в праздничный день». Удивил его своим видом и унтер-офицер Хрунов, ставший после выхода в отставку необходимой принадлежностью вечеринок офицеров Измайловского полка и прозванный «барином с балалайкой», ибо все персты пухлой руки музыканта, играющего на инструменте особенной конструкции, «изукрашены были кольцами и перстнями разных величин и фасонов»³⁰. Однако бравого отставника вряд ли озабочивало, из какого металла сделаны сами кольца, хотя, наверняка, он знал о таинственной власти сокровищ земных руд. Золотой перстень придавал такую премудрость речи владельцу, что никто, даже самые мудрые учёные, не сможет опровергнуть его утверждения. Оловянное кольцо

²⁹ *Георги И.-Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. С. 659.

³⁰ *Жихарев С.П.* Записки современника. В 2-х тт. Т. 2. Ч. 2. Дневник чиновника. Л., 1989. С. 90.

притягивало к носящему его вожаделенные серебро и злато. Железный перстень обеспечивал «побеждение всех противностей». Медное же кольцо привораживало любовь, и одно его прикосновение к желанной вызывало в зазнобе ответную страсть³¹. А в первой четверти XIX века даже отпущенный на оброк крепостной покупал себе на заработанные деньги бриллиантовый перстень, да и шею его невесты унижали сорок ниток жемчуга.

Что же после этого говорить о франтах, проводивших, как пушкинский Евгений Онегин, «три часа по крайней мере пред зеркалами», дабы выглядеть по последней парижской или лондонской моде, надевая соответствующие «пantalоны, фрак, жилет». Ни в коем случае нельзя было перепутать цвет фрака, зависевший не только от времени дня, но и от возраста обладателя сей важной детали костюма. Отправляясь по делам или с визитами по утрам, следовало надевать зеленый фрак, причем старичкам приличествовали оттенки бутылочного стекла, вступающей в свет молодежи – цвет зеленого яблока, а у остальных петиметров яркость зелени ткани приглушал серый прицвет. К обеду приходилось переодеться во фраки, сшитые из тканей всевозможных вариантов синего. Зато щеголи, облачаясь в черные фраки, не забывали о материале отворотов: атласные полагались в бальных наря-

³¹ *Семевский М.Н.* Семейство Монсов. 1688–1724: Очерк из русской истории. СПб., 1862. С. 58 (Изыяснение различных перстней по записным книжкам Виллима Монса).

дах, а шерстяные – в траурных.

Состоятельным модникам так хотелось покичиться богатством перед светскими красавицами, что в серединку непременно пуговиц, вытканых из черного шелка, вставлялись сверкающие бриллианты-солитеры, соперничавшие с ослепительным блеском крупного алмаза булавки, прикреплявшей пышное жабо к жилету. Все это великолепие дополнялось переливами камней в многочисленных перстнях и посверкиванием самоцветов на золотых или серебряных пряжках башмаков. Костюм франтов считался не завершенным полностью, если из-под жилета не свисали симметрично золотые цепочки по крайней мере двух часов (да не простых, а непременно заграничных «брегетов», вышедших из рук самого знаменитого мастера Авраама-Луи Бреге и оттого стоивших несколько тысяч рублей), украшенные затейливыми брелоками и печаткой владельца с фамильным гербом, вырезанным на оранжево-красном сердолике-карнеоле, голубом топазе или фиолетовом аметисте.

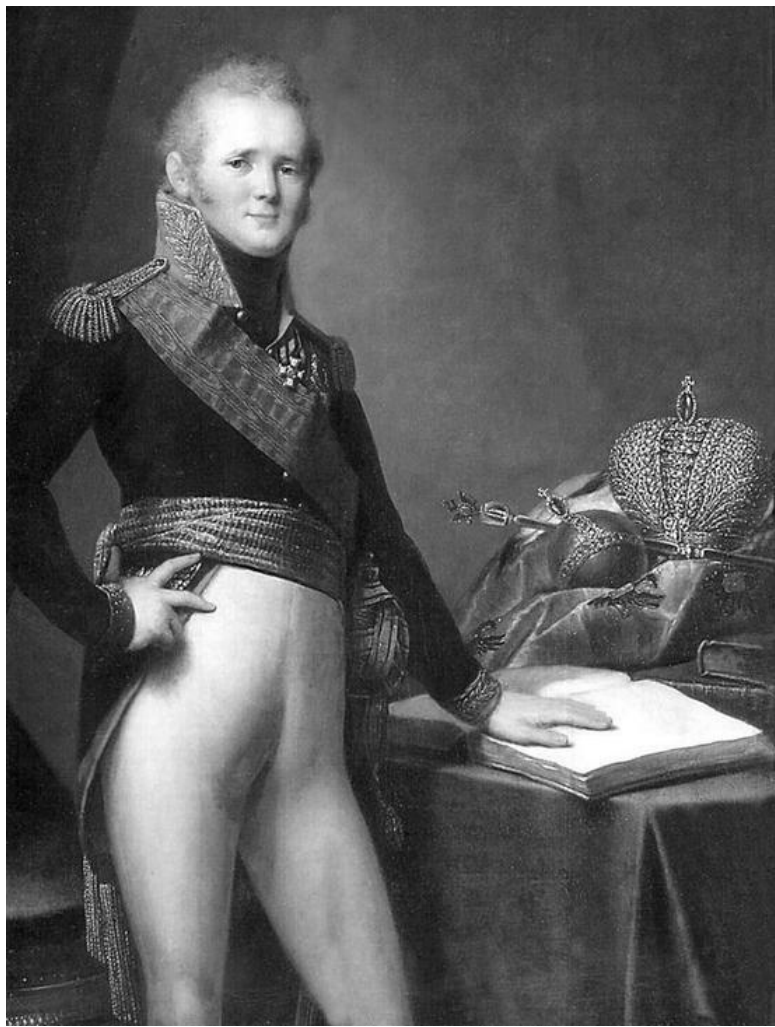
Собравшиеся же на светских званных вечерах дамы и девицы, вместо привычного коллективного, но весьма тоскливого вышивания золотом и жемчугом, теперь играли в колесико, то ловко его опуская, то поднимая на шнурочке, и любовались, как оно, крутясь, красиво искрилось самоцветами. Однако вскоре аристократки нашли себе другое занятие, придумав ему французское название «le parfilage de l'or», означающее «надерганные золотые нитки». И раньше

экономные хозяйки осторожно подвергали пламени ставшие ветхими одежды, покрытые металлическим шитьем, чтобы пустить «выжечный» благородный металл на исполнение новых модных вещей. В первой же трети XIX века расчетливые прелестницы предпочитали аккуратно распускать драгоценные узоры, отделяя их от ткани, а на выручку от продажи полученной золотой нити покупать желанную обнову. Как brave усачи-военные, так и светские волокиты быстро сориентировались и, воспользовавшись подобным увлечением, стали подносить предметам своих воздыханий зачастую совершенно новенькие, только что из магазина, отдельные части форменных, блиставших золотом вышивки мундиров. Но хитрых красавиц сие обстоятельство не останавливало, и новые Пенелопы на глазах влюбленных кавалеров легкомысленно потрошили шедевры портных³².

Однако после трагической смерти Павла I, убитого 11 марта 1801 года недовольными царедворцами-заговорщиками в Михайловском замке, на престоле оказался Александр I, неплохо усвоивший от бабки и отца ремесло государей, но при этом воспитанный Лагарпом на республиканских идеях и, соответственно, не любивший всяческие обремене-

³² История моей жизни. Рассказ бывшего крепостного крестьянина Н.Н. Шипова // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 142, 443; Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах. Гл. 1, строфы XXV, XXVI, а также XVII (о брегете); Воспоминания Ю(рия) К(арловича) Арнольда, 1-X // Русский архив. 1891. Т. II. № 7. С. 331–334; Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской (урожд. Бибиковой) // Исторический вестник. 1898. Т. 74. Ноябрь. С. 555.

тельные церемонии и полагавший ненужной излишнюю роскошь. Новый государь отлично видел никчемность некоторых чисто придворных должностей, а суетливых их носителей-куртизанов презрительно называл «полотёрами». Александр I, несмотря на ропот великосветских фрондеров, сократив штат придворных, урезал на 4 миллиона рублей расходы на императорский двор. К тому же государь с самого начала своего правления, в отличие от августейших отца и бабки, принципиально перестал за оказанные ему услуги раздаривать «казенных» крестьян в крепостные.

Да и в своем костюме молодой монарх стремился к благородной простоте. Не случайно Жозеф де Местр, представлявший Сардинское королевство при петербургском Дворе, удивлялся, что русский самодержец «не носит никаких драгоценностей, даже кольца или часов»³³.

Подстать Александру Павловичу была и его супруга, хотя она, судя по ее письмам к матери, к уборам из самоцветов относилась отнюдь не равнодушно, однако и не придавала им слишком большого значения. Потому-то, когда в октябре 1812 года всерьез опасались, что войско Наполеона прорвется к Петербургу, всех поразил и передавался из уст в уста ответ императрицы Елизаветы Алексеевны на вопрос о судьбе ее драгоценностей, из предосторожности отправленных в Олонецкую губернию: «На что мне они, если Александр лишится короны!»³⁴. А много лет спустя, когда князь Петр Михайлович Волконский доложил ей, что она стала владе-

³³ Местр, граф Жозеф де. Петербургские письма 1803–1817 / Составление, перевод и предисловие Д.В. Соловьева (серия «Свидетели истории»). СПб., 1995. С. 24. Письмо № 2 неизвестному графу от 17 (29) июля 1803 года; *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 144. Серия «История в лицах».

³⁴ Из записок П.Ф. Карабанова // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 288, № 184; *Долгов С.О.* Сто лет назад. Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. Октябрь. С. 13; Письмо № 69 от 15 октября 1812 г. Опасения, что Наполеон после пребывания в захваченной Москве пойдет на Петербург, были отнюдь не беспочвенны. См.: *Тимошук В.* Наполеон на острове Св. Елены // Русская старина. 1912. Январь. С. 128.

лицей оцениваемых в миллион разных бриллиантов, находившихся в личной собственности покойного Александра I, августейшая вдова с горестью сказала: «На что мне алмазы? Что вы хотите, чтобы я из них сделала? Я столько потеряла с кончиной императора! Мне достаточно одного простого платья, у меня и без них чересчур богатое содержание»³⁵.

Конечно же, чтобы поддержать блеск русского Двора для супруги Александра I делались изобилующие драгоценными камнями новые модные уборы и аксессуары костюма, однако не в таком количестве и не столь часто, как при августейших предшественницах. Поэтому, когда император привез из Парижа своей законной половине маленькую райскую птичку для украшения шляпы-тока, то придворные сразу заметили скромную изящную безделку³⁶.

³⁵ «Quai-je besoin de diamants et que voulez-vous que jen fasse? J'ai tant perdu avec l'Empereur! Une simple robe me suffit, j'ai un si grand entretien sans cela» // Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1826-й год // Русский Архив. 1901. Кн. 2. С. 385 (письмо А.Я. Булгакова от 13 мая 1826 г. из Москвы).

³⁶ *Дараган П.М.* Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны // Русская старина. 1875. Т. 13. С. 16.

Неизвестный художник. Императрица Елизавета Алексеевна на прогулке в парке Царского Села. Начало XIX в.

Александр I при случае не упускал декларировать: «Любовь любезного мне народа есть моя лучшая награда» и «составляет для меня единственный предмет, начало и конец всех моих действий и желаний», причем «покой и счастье народа... считаю я драгоценнейшим залогом, от провидения мне врученным, и важнейшею обязанностью моей жизни»³⁷. Достойный внук мудрой Екатерины II хорошо помнил истину, что дорогие подарки делают сердца подданных благодарными, а щедрость государя, как и пышность его Двора должны внушать почтение и благоговейное почитание не только соотечественникам, но даже заезжим иностранцам.

Молодой монарх никогда не забывал о необходимой репрезентативности, однако решил по возможности резко сократить расходы, ибо так растрачивать деньги, как это делал покойный батюшка, грозило казне разорением. Павел I успел только с января по 10 марта 1801 года раздать угодившим ему персонам драгоценных подарков различной стоимости, поставленных Яковом Дювалем на сумму в 136 270 рублей, увеличившую и без того значительный долг «Собственному Императорскому ювелиру». Доклад же, поднесенный 22 марта 1801 года новому государю, не на шутку расстроил

³⁷ Жихарев С.П. Записки современника. В 2-х тт. Т. 1. Ч. 1. Записки студента. Л., 1989. С. 167, 172.

Александра I: расходы Кабинета превысили доходы на 1 339 509 рублей, что по тем временам было фантастической суммой.

Грядущая же коронация требовала новых немалых расходов, поскольку, чтобы не нарушать традиции, следовало предусмотреть большое количество подарков для раздачи в праздничные дни столь важного торжества. Хотя львиную долю предназначенных для пожалования вещей позаимствовали из числа казенных, хранящихся в кладовых Кабинета, потребовались и новые табакерки, перстни и карманные часы, украшенные портретами и вензелями нового самодержца. В результате только фирма «Братья Дюваль» в год коронации поставила ко Двору драгоценностей на сумму 115 735 рублей³⁸. Дабы хоть как-то свести концы с концами, молодой монарх повелел: «возвратить <...> в государственное казначейство <...> вместо выданных в прошедшем году ювелиру Дювалю – 410 317 рублей, <...> заплатить ювелиру Дювалю за взятые в Комнату бриллиантовые и другия вещи – 506 970 рублей», причем в нынешнем 1801 году выплатить «ювелиру Дювалю – 306 970 рублей, прочия же... 200 000 рублей оставить платежом до предбудущаго года»³⁹. Однако эти 200 тысяч и в 1802 году не смогли из-за нехватки денег в Кабинете уплатить Якову Дювалю.

³⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 60, 162–162 об., 181–181 об., 183, 218–222, 278–279 об.; Оп. 5. Д. 186. Л. 8 об, 9.

³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 60–61; Д. 4038. Л. 323.

Александр I пришлось, где и насколько только возможно, прибегнуть к сокращению расходной части бюджета. Михайловский замок, обагранный кровью убитого государя, спешно покинут членами августейшей семьи. Заказы на его серебряный декор, изготовлявшийся на петербургской фабрике Ивара-Венфельта Бука, аннулированы. Все ранее сделанное убранство, включая снятую со стен роскошную обивку, перенесли в Мраморный и Таврический дворцы или до поры до времени убрали в кладовые. В опустевшую бывшую императорскую резиденцию, напоминавшую современникам своеобразный мавзолей, въехали Орденский капитул и различные учреждения, а часть ее освободившихся помещений заняли под квартиры чины Двора. Однако еще в феврале 1803 года императорскому Кабинету, чьи долги в 5 307 000 рублей приняла в конце концов на себя казна, пришлось с разрешения молодого государя взять на достройку злосчастного Михайловского замка миллионный заем из Ассигнационного банка, причем срок его уплаты, дабы оставить в распоряжении монарха хотя бы 1 794 276 рублей на текущие расходы, отнесен был на 1804 год.

Винченцо Бренне, любимому «первому архитектору» покойного самодержца Павла Петровича, подавшему в январе 1802 года в отставку, дали пожизненный пенсион лишь в 2000 рублей вместо просимых полагающихся 7800 рублей, да еще чуть было не обвинили в перерасходе и присвоении казенных денег.

Содержание Императорского Стеклянного завода, до 1792 года в блестящем состоянии находившегося в частном владении светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического, теперь стало казаться слишком обременительным, и казенное предприятие чуть было не отдали в аренду Николаю Алексеевичу Бахметьеву, успешному владельцу хрустальной фабрики близ села Никольского в Пензенской губернии. Но в последнюю минуту посчитали достаточным лишь продать излишки продукции, частично сократить число работников, а оставшихся с 1804 года перевести на сдельную оплату труда.

Почистили и кладовые Кабинета. Просмотрев хранившиеся там ювелирные вещи, выставили вышедшие из моды в 1802 году на аукцион, где выручили за них 37 776 рублей 1 копейку. Там же купец Батенин, вскоре основавший фарфоровую мануфактуру в Петербурге, смог прикупить нужных ему «пробных камней из композиции (то есть из стекла, имитирующего драгоценные самоцветы): 7 «оставленных в свинце на красной фольге», 4 «голубых» и 60 «разноцветных», за цену, превысившую первоначальную оценку в два, а то и в пять раз⁴⁰.

⁴⁰ Юферов Д.В. История коронных бриллиантов // Алмазный фонд СССР. Вып. 3. М., 1925. С. 17; Куцумов А.М. Из неопубликованных материалов к биографии архитектора Винченцо Бренны. 1965 г. // Куцумов А.М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб., 2004. С. 221–231. (Серия «Павловский дворец: История и судьбы»); Шелковников Б.А. Русское художественное стекло. Л., 1969. С. 127–128; РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 1. Л. 124, 238. О Батениных Ф.С. и П.С. см.: Багдаса-

Но без драгоценных подарков при Дворе не обойтись. Теперь заказы августейшей четы выдвигаются исполнять другие ювелиры, начавшие свою деятельность еще в XVIII веке. К сожалению, только архивные документы дают представление о творчестве этих искусников, ибо из их работ почти ничего не уцелело от разрушительного действия времени.

Ювелиры, исполнявшие заказы августейшей четы

Кристоф-Фридрих фон Мерц

Золотых дел мастер Кристоф-Фридрих фон Мерц (1756–1809), в 1792 году проживавший «в Офицерской улице в Голцгаузеневом доме»⁴¹, продолжал исполнять многочисленные наградные сабли и шпаги, табакерки и перстни. Еще 8 сентября 1785 года он стал членом петербургского цеха иностранных мастеров. Коллеги по профессии настолько це-

⁴¹ Фёлькерзам А.Е. Алфавитный указатель С.-Петербургских золотых и серебряных дел мастеров, ювелиров, гравёров и пр. 1714–1814 / Приложение к журналу «Старые годы». СПб., 1907. С. 36. (Далее – Алфавит); *Bäcksbacka L. St. Petersburgs juvelerare, guld och silversmeder. 1714–1870. Helsingfors, 1951. S. 380.* (Далее – *Bäcksbacka*); *Лонато М.Н. Ювелиры старого Петербурга. СПб., 2004. С. 55; «Санкт-Петербургские ведомости» от 2 июля 1792 года.*

нили талантливому и зажиточному сотоварищу, что в 1793 и 1794 году избирали его помощником старосты, а в 1797 году – даже старостой цеха. У него было много учеников, и самые достойные быстро становились подмастерьями, а затем и успешными мастерами. Достаточно назвать лишь имя Йозефа (Фридриха-Йозефа) Кольба – одного из лучших ювелиров и золотых дел мастеров Петербурга в 1820-е годы.

Кристоф-Фридрих Мерц настолько разбогател во время правления Александра I, что приобрел дом № 17 по Большой Морской и даже устроил в нем магазин, где можно было «заказывать и получать совсем готовые в новейшем вкусе сделанные бриллиантовые и всякие галантерейные вещи»⁴².

Под конец жизни этот саксонец, родом из Эльсница, вероятно, захотел перейти в русское подданство и, соответственно, в русский цех, ибо при паспортной ревизии 1808 года мастер не смог предъявить проверяющим нужный документ. Пришлось Кристофу-Фридриху Мерцу оправдываться, что пришлось, дабы его приняли в гильдию, оставить паспорт «у министра Румянцева». Странное же клеймо-именник Мерца: «GM»⁴³ обязано, скорее всего, сколу металла, превратившему завершение внизу литеры «С», обозначающей имя Christian, в «G». Ведь подобный казус случился с елизаве-

⁴² Бройтман Л.И., Краснова Е.И. Большая Морская улица. СПб., 1996. С. 83. (Далее – Бройтман – Краснова, Большая Морская).

⁴³ Фёлькерзам А.Е. Описи серебра Двора Его Императорского Величества. В 2-х т. СПб., 1907. Т. 1. С. 86. (Далее – Фёлькерзам, Описи серебра).

тинским ювелиром Георгом-Фридрихом Экартом, когда вертикальная черточка съехала на середину и тем преобразовала «G» (Georg) в совершенно непонятное «ç»⁴⁴.

⁴⁴ Кузнецова Л.К. Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М.; СПб., 2009. С. 137. (Далее – Кузнецова, Век восемнадцатый).

Иоганн-Готтлиб Калау («Кало»)

Иоганн-Готтлиб Калау прибыл в Петербург из Дрездена и вступил золотых дел мастером в столичный иностранный цех ювелиров 9 января 1790 года. Один из его трех учеников, Эрик-Йохан Линдберг, уже в 1798 году стал подмастерьем. Иоганн-Готтлиб Калау, предпочитавший именоваться на французский манер «мастером Кало», женился на Марии Бек и работал еще в 1816 году. Его потомок Михаил Львович Ордовский и сейчас живет в Петербурге.

К 10 декабря 1801 года ювелир Кало сделал круглую золотую табакерку с портретом Александра I и украсил ее не только розами, но и шестнадцатью казенными бриллиантами, хотя и 5-го сорта, да зато каждый из них весил не менее 3-х каратов. Готовую табакерку ювелиры Кабинета оценили в громадную по тому времени сумму 23 000 рублей⁴⁵.

⁴⁵ Алфавит. С. 27; *Bäcksbacka*. S. 387; *Bruel F.-L.* Les orfèvres français à Saint-Pétersbourg de 1714 a 1814 // *Bulletin de la Société de l'Histoire de l'art français*. Paris, 1908. P. 53. (Далее – Bruel); РГИА. Ф. 468. Оп. 41. Д. 1. Л. 238; Д. 2. Л. 87.

Йоган-Хенрик Гоппе

При Александре I для подарков в Кабинет закупалось много всевозможных перстней и табакерок, украшенных живописной эмалью, часов с цепочками, а также орденских знаков у «золотых дел мастера Гоппе», в котором, судя по подписи «Йоганн (или «Жан». – Л. К.) Гоппе», можно узнать престарелого Йогана-Хенрика, чей брат Йоган-Фредрик, родившийся в Гетеборге в 1735 году и там же обучившийся ремеслу в 1752–1758 годах у Абрахама Виргмана, стал мастером в шведском городе Никарлеби в 1776 году. Сам же Йоган-Хенрик Гоппе стал золотых дел и галантерейным мастером петербургского иностранного цеха в октябре 1749 года и, судя по известным документам, довольно активно работал еще в 1806 году.

Неясно, был ли купец Гоппе, о котором в 1823 году судачили столичные жители, родственником или только однофамильцем престарелого золотых дел мастера. Сей негоциант, благочестивый лютеранин и богатый жених, когда его невеста Вильгельмина Бриммер обвенчалась с неким Николаем Циловым, не совладав со своими чувствами, зарезался от неразделенной любви⁴⁶.

⁴⁶ Алфавит. С. 19; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4046. Л. 250, 397 об.; Д. 3923. Л. 310 об., 823; Описание жизни Николая II. Цилова // Русский Архив. 1907. Кн. 2. С. 484–487.

«Купец» Луи Нитард и золотых дел мастер Иоганн-Николаус Брандт

Много драгоценных табакерок и часов приобреталось для грядущих пожалований и у «купца» Луи Нитарда⁴⁷. Всевозможные же мелочи для самого Александра I исполнял золотых дел мастер Иоганн-Николаус Брант (Брандт), родившийся в июне 1773 года в Штральзунде. В 1793 году он переехал в Петербург, где в октябре 1796 года стал галантерейным мастером иностранного цеха. Вероятно, коллеги его ценили, ибо он в 1810–1811 годах стал помощником старосты, а на следующий срок, 1812–1813 годы, его избрали старостой-алдерманом. На этом ответственном посту мастер Брант и скончался⁴⁸.

⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3918. Л. 163.

⁴⁸ Алфавит. С. 8; *Bäcksbacka*. S. 393.

Франсуа Мартен, Даниэль Ола и братья Пицкер

Даже столичным ювелирам, являвшимся членами цеха иностранных мастеров удостоиться придирчивого внимания «сильных мира сего» было не так-то просто. Чаше у искусных ремесленников покупали в третье отделение императорского Кабинета в запас для будущих подарков от Двора единичные драгоценные вещи, не только понравившиеся красотой, но и подходящие по цене.

В апреле 1812 года продал своей работы «перстень овальный бриллиантовый с аметистом» золотых дел мастер Франсуа Мартен, уроженец Маастрихта, приехавший в Петербург из Гамбурга⁴⁹.

Восемь месяцев спустя, подобный же перстень приобрели «у мастера золотых дел Оли». Под столь забавной фамилией, более напоминавшей женское имя, скрывался Даниэль Ола, сохранявший прусское подданство в столице Российской империи более тридцати лет, ибо вступил в достопочитенный цех ювелиров еще в 1799, а упоминался последний раз среди его членов в 1832 году⁵⁰.

В начале XIX века в «Северной Пальмире» работали три

⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 53, 53 об.; Алфавит. С. 38; *Bruel*. P. 57; *Bäcksbäcka*. S. 77.

⁵⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 124 об.; Алфавит. С. 42; *Bäcksbäcka*... S. 398.

брата, подданные Датского королевства, хотя и были уроженцами Петербурга: Йохан-Фридрих, Карл-Генрих и Готтлиб Пицкеры.

Старшему из них, Йохану-Фридриху, удалось достаточно быстро сделать блестящую карьеру. Проучившись пять лет (с 1792 по 1797 гг.) у мастера Готфрида-Генриха Лемана и получив по окончании статус подмастерья, он уже 20 октября 1802 года становится золотых дел мастером столичного иностранного цеха, а через какие-то восемь лет, два года подряд (в 1810 и 1811) коллеги избирают его товарищем старосты. Наконец, в 1814 году Йохан-Фридрих Пицкер оказывается на престижном посту старосты цеха ювелиров.

Скорее всего, именно у него, «золотых дел мастера Пицкера» купили бриллиантовый овальный перстень, но на сей раз с аквамарином.

Не исключено, что Йохан-Фридрих Пицкер мог посоветовать своему младшему брату Готтлибу в выборе наставника, поскольку, проучившись у него всего четыре года, уже в 1803 году Готтлиб Пицкер вступил галантерейным мастером в столичный иностранный цех ювелиров. Этим талантливым учителем оказался не кто иной, как соотечественник братьев Франц-Якоб Франк⁵¹.

⁵¹ Алфавит. С. 43–44; *Bäcksbacka*. S. 85, 86; РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 193. Л. 39.

Франц Франк поставляет ордена в Гардероб Его Императорского Величества

Неизвестна точная дата появления на свет Франца-Якоба Франка в семье датчанина, корпевшего чиновником на русской службе. После семи лет обучения ремеслу у известного столичного мастера Эрнста-Фридриха Мейснера, юноша уже в 1781 году стал подмастерьем. Однако лишь спустя девять лет Франц-Якоб Франк, успешно выдержав испытания, вступил золотых дел и галантерейным мастером в петербургский иностранный цех ювелиров, в коем через одиннадцать лет стал помощником старосты, потом два года походил в товарищах главы цеха, а в 1804 его самого избрали в старосты. Это было неудивительно. Слава Франца Франка быстро растет благодаря его искусным рукам. Еще в 1800 году талантливый мастер стал поставщиком Капитула орденов, а вскоре ему доверили не только починку, но и исполнение новых всевозможных орденов для Гардероба самого императора Александра I⁵². Какие же ордена приходилось носить на груди победителю Наполеона?

⁵² Алфавит. С. 56; *Bäcksbacka*. S. 83; *Гаврилова Л.М., Левин С.С.* Европейские ордена в России. Конец XVIII – начало XX века. Из собраний Музеев Московского Кремля и Государственного Исторического музея. Приложение. М., 2007. С. 8, 57. (Далее – *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена...).

Ордена в мундирных колодочках Александра I

После 1814 года российского самодержца осыпали знаками внимания европейские монархи, и каждый из правителей считал необходимым поднести победителю Наполеона орден своей страны. В результате Александр I стал кавалером трех десятков иноземных орденов.

Но на долю Франца Франка выпало уже с 1813 года не единожды повторять уменьшенные воспроизведения военных наград, которыми награждали монарха союзники по кровопролитной борьбе с французским императором. Сии знаки-обозначения августейший владетель располагал в орденской колодочке на левой стороне груди, ближе к сердцу. Хрупкая эмаль от постоянного ношения покрывалась сначала незаметными трещинами, а затем осыпалась, зачастую скалываясь с букв девизов, отчего те становились плохо чи-

таемыми, да и сам драгоценный металл загрязнялся и темнел.

Поскольку официальный патент на английскую булавку с застежкой был получен лишь в октябре 1849 года⁵³, то вплоть до середины XIX века как звезды, так и кресты орденов приходилось либо пришивать к мундиру за крошечные, слегка выступающие ушки, либо наскоро (хотя искусно и прочно) через эти ячейки закреплять за называемые тогда «булавками» иголки с небольшими головками. Александр I, а позже и его младший брат Николай I не раз царапали себе пальцы до крови о торчащие острия, когда в порыве гнева самолично срывали с груди опального царедворца награду, ставшую недостойной провинившегося.

⁵³ Благодарю за это указание Нину Ивановну Тарасову, хранителя Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

Дж. Доу. Император Александр I. Первая четверть XVIII в.

Чтобы исключить малейшую небрежность в прикрепле-

нии к очередному мундиру императора в нужном порядке знаков орденов, отобранных для ношения в орденской колодке, требовалось достаточное количество их комплектов. Порядок соседствования в орденской колодке Александра I отечественных военных наград с пожалованиями западноевропейских союзников по антинаполеоновским коалициям⁵⁴ сложился полностью к 1815 году.

Лишь за два первых квартала 1819 года Францу Франку пришлось (помимо всевозможных мелких починок и даже восстановления серебрения медалей) сделать не только высший отечественный Андреевский орден особого вида, но и четыре прусских ордена Железного Креста, два шведских ордена Меча, а также два австрийских ордена Марии-Терезии и семь «новых Австрийских орденов»⁵⁵.

⁵⁴ *Шевелева Е.Н.* Ордена Александра I: Из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 1993. (Далее – Шевелева); Александр I – «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 69 (илл.), 306; № 778, аннотация Т.Н. Ильиной, ВИМАИВиВС, инв. № 20/2356. (Далее – Александр I – «Сфинкс...»).

⁵⁵ *Гаврилова – Левин*, Европейские ордена... Приложение. С. 8 (ссылка 7 на РГИА. Ф. 496. Оп. 1. Д. 505. Л. 175, 203, 333, 423).

Скромный «Егорий» IV степени (Крест русского ордена Св. Георгия IV степени)

Лицезревшим императора Александра Павловича прежде всего бросался в глаза подвешенный на ленточке с тремя черными и двумя оранжевыми полосами золотой с эмалью крест Св. Георгия IV степени, открывающий крайним почетный ряд военных наград на груди государя⁵⁶ и напоминавший, что русский монарх, в колыбели становившийся кавалером прочих русских орденов, мог получить даже эту, самую низшую степень военного ордена, лишь побывав на ратном поле. (См. цвет. илл. 1.)

Скромный крестик (как пепел отца Тилю Уленшпигелю) всегда напоминал Александру I о сокрушительном разгроме Наполеоном в сражении при Аустерлице 8 декабря 1805 года союзных армий Пруссии, Австрии и России. Тогда необстрелянный в боях самодержец, не послушав дипломатических советов маститого и опытного полководца Михаила Илларионовича Кутузова, потерял на Праценских высотах русскую гвардейскую тяжелую кавалерию и бежал под покровом ночи с поля битвы в слезах от бессилия и гнева, задыха-

⁵⁶ Шевелева, С. 15. Илл., крайний справа (для зрителя – слева) крест: золото, эмаль, диаметр 27,6 мм.

ясь от стыда. Тогда же молодой государь впервые столкнулся с коварным предательством союзников, которым он так рыцарски верил. Первое прямое столкновение с полководческим талантом корсиканца для внука Екатерины II окончилось крупным поражением. Однако и царь Петр Алексеевич начал с «конфузии» при Нарве от короля Карла XII, а спустя два десятилетия после окончательной победы над шведами в Северной войне был провозглашен первым русским императором.

Горьким стало возвращение Александра I в Петербург в конце 1805 года. Однако придворные льстецы и тут не утерпели от не совсем уместного скорейшего изъявления верноподданнических чувств. Не прошло и недели, как на собрании 13 декабря кавалерская дума Св. Георгия стала просить государя возложить на себя знаки этого военного ордена, причем сразу первого класса. Их тут же поднес монарху прозванный «Бриллиантовым князем» из-за неумеренной любви к сверкающим алмазам канцлер российских орденов Александр Борисович Куракин, весьма гордившийся обладанием звездой престижного прусского ордена Чёрного Орла, завещанной «верному другу» самодержцем Павлом I, получившим ее в Берлине из рук самого «короля-солдата». Ассистировал любимцу отца нынешнего государя старший кавалер, князь Александр Александрович Прозоровский, в далеком 1778 году награжденный второй степенью Георгиевского ордена за удачное выполнение «всей порученной ему»

Екатериной II «секретной комиссии» и уничтожение «всех неприятельских действий» в Крыму Именно этому престарелому военачальнику, которому 30 августа 1807 года Александр I пожалует за заслуги фельдмаршальский жезл⁵⁷, его сотоварищи доверили посвятить молодому царю льстивый доклад.

Воспитанник Лагарпа не знал, плакать ему или смеяться, но, помня мудрые заветы августейшей бабки, взял себя в руки: сначала вежливо поблагодарил собравшихся, а затем не преминул напомнить, что первый класс по орденскому статусу полагается за распоряжения начальственные. Он же, хо-

⁵⁷ Н. Ч. Куракин, князь Александр Борисович. 1752–1818 // Русский биографический словарь / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 564. (Далее: Русский биографический словарь); См.: Описи орденов, разных вещей и драгоценностей императора Павла I-го, с распределением их по смерти императора, в 1801 году, разным лицам // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867. Кн. 2 (апрель – июнь). V. Смесь. С. 96 (Опись казенным бриллиантовым вещам, хранящимся в гардеробе блаженной памяти Государя Императора. <...> Разным особам: № 1. Орден Прусский, к оному звезда бриллиантовая. По силе завещания покойного Государя, 14 и 15 статей, Вице-Канцлеру Князю Куракину), 99 (Описание бриллиантовых и прочих вещей, находящихся в гардеробе блаженной памяти Государя Императора Павла Петровича, № 10. Орден Прусский бриллиантовый, № 11. Звезда бриллиантовая к ордену Прусскому. Князю Алексею Борисовичу Куракину). *Алексеевский Б.* Прозоровский, князь Александр Александрович, генерал-фельдмаршал (с 30 августа 1807 года). 1732–1809 // Русский биографический словарь. Т. Притвиц-Рейс. СПб., 1910. С. 9; *Талберг Ф. А., Подгорная Н. Н.* Кавалеры императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней (1769–1916). Рига, 1993. С. 92–93. № 12. (Далее: *Талберг – Подгорная.*)

тя и разделял опасность со своими воинами, но не командовал ими, а только привел их на помощь своему союзнику, «который всеми одного действиями распоряжал по собственным своим соображениям». Поэтому он, если и заслуживает, то лишь самой младшей степени столь почетного военного ордена, а дабы не обидеть собравшихся заслуженных георгиевских кавалеров бестактным отказом, Александр I, вступая в их сообщество на том заседании, возложил на себя скромный крест IV класса⁵⁸.

Но и впоследствии российский монарх отказывался от более высоких степеней Георгиевского ордена, ибо полагал, что успехами на поле брани он обязан Всевышнему, а воинской награды достойны те, кто в сражениях проливал свою кровь за Отечество и избавление Европы от богопротивного узурпатора тронов и захватчика чужих земель.

Чтобы не обесценивать первую степень престижного военного ордена, ее кавалерами стали за свои подвиги и ратные заслуги в 1812–1814 годах лишь семеро героев:

12 декабря 1812 года генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, получил вместе с титулом «светлейшего князя Смоленского» и отечественный Георгиевский орден высшей степени «за поражение и изгнание неприятеля из пределов России».

⁵⁸ Шильдер Н. Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. Аарон – Император Александр II. СПб., 1896. С. 204. (Далее: Шильдер, Александр I.)

И.И. Олешкович. Светлейший князь фельдмаршал Михаил Илларионо-

На следующий же день после кровопролитной двухдневной баталии 17 и 18 августа 1813 года при Кульме, где русские ратники так яростно сражались, что прусский король, восхищенный их мужеством и отвагой, всем им пожаловал военный орден Железного креста, а их предводитель, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли, за проявленные на поле сражения храбрость и победоносную тактику стал кавалером высочайшей отечественной воинской награды. Позже русский полководец получит за блестящее сражение при Бриенне золотую шпагу с алмазными лаврами и памятной надписью «За 20 января 1814 года», а через год удостоится не только звания генерал-фельдмаршала, но и княжеского титула.

После взятия Парижа Георгиевский орден первой степени 22 июля 1814 года вручили «за успешные действия против французов в войну 1814 года» командующему 2-й Южной армией, генералу от кавалерии, графу Леонтию Леонтьевичу Беннингсену, за два года до того получившего от императора «алмазный эполет с вензелевым изображением Высочайшего имени». Александр I постарался «забыть», что именно этот «длинный, как шест, сухой, хладнокровный, как черепаха»⁵⁹ ганноверский немец, полтора десятилетия на-

⁵⁹ Федорченко В.И. Свита российских императоров. В 2-х кн. Кн. 1. А – Л. М.; Красноярск, 2005. С. 104 (Далее – Федорченко; Свита...); Сто лет тому на-

зад возглавивший с братьями Zubovymi пьяных заговорщиков, пришедших в Михайловский замок, нагло потребовал от Павла I отречения от престола, после чего удалился «за свечкой» в соседнюю комнату, где преспокойно рассматривал висевшие на стенах картины, пока его сообщники зверски убивали ненавистного «тирана».

История любит парадоксы. Цареубийство 11 марта 1801 года произошло на британские деньги, поскольку Павел I, восхищенный благородством Наполеона по отношению к пленным русским военным и видя в нем нового Цезаря, даже поместил во дворце бюст первого консула Французской республики, говоря: «Он делает дела, и с ним можно иметь дело», а надменный Альбион боялся не только оформления франко-русского союза и морской блокады своей страны, но и начавшегося похода Платова на Индию. Не случайно Бонапарт, услышав о страшной кончине всероссийского самодержца, впал в безутешную ярость, ибо хотя покушение на него в Париже тогда не удалось, но, как выразился будущий

зад. Письма И.П. Оденталю к А.Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская Старина. 1912. Июнь. С. 604 (Письмо 41 из Санкт-Петербурга, от 21 мая 1812 года); *Адрианов С.* Беннигсен, Леонтий Леонтьевич (Левин-Август-Теофил), барон, затем граф. 1745–1826 // *Русский биографический словарь*. Т. П. Алексинский – Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 700–712; Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. С. 118–121 (из записок графа Беннигсена), 142–145 (из записок графа Ланжерона), 164–167 (из записок Фонвизина), 225–228 (записки князя Адама Чарторыйского), 250–252 (записки барона Гейкинга), 333–337 (записки Августа Коцебу).

император, они (имея в виду англичан и прочих своих врагов), «попали в меня в Петербурге!»⁶⁰.

Теперь же Александру I, всю жизнь испытывавшему угрызения совести от греха отцеубийства, пришлось, выдерживая дипломатический политес, дать высшую степень русско-го военного ордена главным военачальникам армий союзников, боровшимся с французским императором. Первым из иностранцев удостоился этого отличия в 1813 году «за поражение французов в сражении при Денневице 25 августа» предводитель Северной армии шведский принц Карл-Юхан.

⁶⁰ *Троцкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 40, 43–44.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.